

№ 28 (61)

Парижъ, суббота 10 Юля 1926 г.

Цѣна отд. № 3 фр.
во Франціи

LA RUSSIE ILLUSTRÉE

№ 28 (61)

Samedi, 10 Juillet 1926, Paris

Prix du numéro 3 fr.
en France

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

Бумерангъ

Независимый еженедельникъ
сатиры и юмора

Я и ЧЕХОВЪ.

(Посвящается авторамъ литературныхъ воспоминаній).

Ежегодно, въ полѣ мѣсяцѣ, я перелистывая полки, изъ высоты своего вѣка вспоминаю свои интересныя и много-численныя встрѣчи съ Чеховымъ. Съложнымъ Андрей Петровичемъ мы были на короткой ногѣ, и всякій разъ при встрѣчѣ со мной онъ говаривалъ:

— Послушайте, вы будете великимъ человекомъ и знаменитымъ писателемъ.

Кто могъ бы думать, что эти предсказанія симпатичнаго Павлуши Чехонте сбываются въ непродолжительномъ времени самымъ блестящимъ образомъ.

Ибо очень скоро, я, какъ вамъ, господа, извѣстно дѣйствительно сталъ знаменитымъ, а Чеховъ умеръ, и отъ славы его не осталось ничего, кромѣ сочиненій и дачи въ Ялѣ, реквизируемой большевиками.

Бѣдный Чеховъ!

Свою литературную карьеру Чеховъ началъ, какъ извѣстно, рассказами въ журналѣ Станиславскаго «Огонекъ».

Въ сихъ ничтожныхъ пробахъ пера было мало таланта и столько же наблюдательности, и въ нихъ, даже съ рентгеновскими лучами, нельзя было угадать будущаго автора «Братьевъ Карамазовыхъ», «Войны и Мира», «Наши заграницы» и другихъ не менѣе интересныхъ произведеній задумчивой музѣ пѣвца хмурыхъ людей.

Я лично не повторилъ чеховской ошибки, и сразу же занялся многотомными шедеврами съ эпилогомъ, которыми до отказа набивалъ полки книжныхъ магазиновъ той эпохи.

Я нисколько не преувеличиваю своихъ заслугъ передъ отечественной литературой, но, при всей своей скромности, не могу не отмѣтить разницы въ отношеніи къ книгамъ моимъ и къ книгамъ Чехова со стороны почтеннѣйшей читающей публики.

Въ то время, какъ книжки Чехова исчезали съ прилавковъ книжныхъ магазиновъ чуть-ли не на другой день послѣ ихъ выхода въ свѣтъ, становясь, такъ сказать, общественнымъ достояніемъ презрѣнной толпы, — шедевры моего сочиненія продолжали величественно украшать пы-

го величія взирали на быстрорукихъ приказчиковъ, не успѣвавшихъ заворачивать покупателямъ томики чеховскихъ рассказовъ.

И нѣтъ сомнѣній никакого, что, не случись въ Россіи мировая революція, уничтожившая, между прочимъ, и всѣ памятники духовнаго развитія народа, — книги мои и до сихъ поръ украшали бы полки вышеуказанныхъ книжныхъ магазиновъ.

Ибо совершенно вѣрно замѣтили какъ-то древніе римляне, что книги имѣютъ свою судьбу. Судьбу, но не читателей.

Павелъ Антоновичъ очень любилъ театръ и часто получалъ контрамарки отъ маститаго Василия Ивановича Немировича-Данченко, проживающаго сейчасъ со своей студіей въ Прагѣ, и выступающаго только въ любительскихъ спектакляхъ.

Разъ какъ-то Чеховъ даже написалъ для театра пару пустяковъ «Три брата», «Утку» и водевильчикъ «Фруктовый Садъ».

Водевильчики были поставлены на сценѣ и даже имѣли успѣхъ у знатной части публики.

На радостяхъ Чехонте взялъ да женился на актрисѣ: женой его была нѣкая Савица, дочь фарсового комика Аполлоновскаго и мать, по первому браку, провинціальнаго трагика Варламова, женатаго на Комиссаржевской.

Насколько Чеховъ былъ поглотенъ своей женитьбой, лучше всего показываетъ слѣдующій фактъ. Приношу я какъ-то ему въ «Большую Московскую» подарокъ — новую книжку собственноручнаго сочиненія и съ таковымъ же посвященіемъ на добрую память.

Чеховъ взялъ книжку, помялъ ее въ рукахъ, и, посмотрѣвъ на меня своими близорукими глазами, сказалъ:

— Послушайте, вы бы лучше женились.

Шутникъ былъ похвальный.

Дабы покончить съ вопросомъ о театрѣ, долженъ сказать, что, въ отличіе отъ Чехова, я лично никогда не ставилъ своихъ пьесъ на театраль-

ныхъ подмосткахъ, хотя написалъ ихъ не меньше, чѣмъ онъ, если не больше.

Всѣ свои сочиненія Чеховъ продалъ Марксу, Марксъ заплатилъ за покупку очень дорого и сображенія свои по поводу этой сдѣлки пыскалъ въ сочиненіи «Трудъ и капиталъ», намекая, что Чеховъ своимъ трудомъ лишилъ его капитала.

Помню, какъ сегодня — кошелъ я тогда къ Марксу. Хотѣлъ угѣнить старика, продать ему всѣ свои сочиненія, какъ уже украшающія книжные подвалы, такъ и впредь возникнуть могущія.

Когда я явился къ Марксу, онъ издавалъ «Ниву» и къ каждому номеру прилагалъ Чехова.

— Здравствуйте, Карлъ Марксъ, сказалъ я, снимая шляпу... Все издается?

— Издаю!... покорно согласился знаменитый марксистъ.

— Приложите меня, — обинякомъ предложилъ я, подмигнувъ въ сторону близлежащаго еженедѣльнаго журнала.

— Номеръ не пройдетъ!.. отвѣтилъ Марксъ.

Я щепнулъ:

— Для читателей «Нивы» номеръ не пройдетъ. Не дослѣ!

Пожалѣ честную марксистскую руку и, гордо выпрямившись, отправился къ «Давкидѣ».

Въ частной жизни Аркаша Чеховъ былъ простъ и до смѣшнаго деликатенъ. Никогда не выгонялъ изъ дому, а только — помню — когда черезчуръ ужъ часто кто приходилъ къ нему прочитать свое послѣднее произведение въ 6 частяхъ съ эпилогомъ, онъ просилъ горничную:

— Послушайте, скажите-же ему, что хеня дома нѣтъ.

Тѣмъ дѣло и кончалось.

Я не забывалъ Чехова и въ Ялѣ, гдѣ у него было собственное имѣніе, называвшееся Ливадіей, по имени его супруги.

Помню то радостное выраженіе его лица, когда изъ окна своей виллы онъ увидѣлъ мое приближеніе.

— Послушайте! почему вы не утонули по дорогѣ? спросилъ онъ меня.

За чтеніемъ моего новаго романа ночь пролетѣла незамѣтно.

По единогласному признанію врачей, за эту ночь болѣвъ Апошит

Чехонте подвинулась впередъ на процентовъ 30.

потому что какъ разъ въ это время дописывалъ CMLXIV главу седьмой части своего новаго романа.

Умеръ Чеховъ на больничной койкѣ. Недугъ, сведшій въ могилу многихъ русскихъ писателей, не пощадилъ и Анатолія Павловича, который продолжалъ пить запоемъ, несмотря на мои дружескія предостереженія.

За гробомъ его являлась только его квартирная хозяйка, которой покойный задолжалъ за послѣдніе полтора мѣсяца своей бурной жизни.

Савица давно бросила его и незадолго до этого вышла въ третій разъ за нѣмца колониста, Книппера.

Я тоже не нашелъ возможнымъ присутствовать на похоронахъ Чеховъ не дожилъ до дней эмигра-

ции и хорошо сдѣлалъ.

При односторонности его занятій, ему никогда не удалось бы получить мѣсто вестера въ русско-грузинскомъ ресторанѣ «Араратъ», какого мѣста добился здѣсь я, отличаясь гибкостью литературнаго таланта и многочисленными связями.

Впрочемъ, de mortuis aut bene, aut nihil.

Съ подлиннымъ вѣрно:
ЛЕРН.